

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА С ЭЛЕМЕНТАМИ ВТОРЖЕНИЯ В ЛИЧНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОБЕСЕДНИКА

А. В. ЖУПИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

На материале англо- и русскоязычных медийных интервью анализируется ход развития диалога, содержащего элементы вторжения в личное пространство собеседника (нарушение границ личного пространства) со стороны журналиста, за которым следует ответ интервьюируемого, представляющий собой защитную реакцию. На основании избранной интервьюируемым реакции на вторжение в его личное пространство и степени настойчивости интервьюера выделяются типичные модели развития такого диалога. Устанавливается, что диалог, содержащий элементы вторжения в личное пространство собеседника, развивается по четырем базовым моделям, три из которых могут быть усложнены за счет включения в их состав циклов вопросно-ответного типа. Кроме того, выделяется смешанная модель развития диалога, которая совмещает в себе элементы базовых моделей. Сравнительный анализ типичных моделей развития диалога позволил установить идентичность их реализации в русско- и англоязычном медийных интервью. Разрабатывается общий алгоритм развития диалога с элементами вторжения в личное пространство собеседника.

Ключевые слова: медийное интервью; личное коммуникативное пространство; стратегия вторжения; стратегия защиты; модель развития диалога; базовая модель; усложненный вариант модели; смешанная модель.

МАДЭЛІ РАЗВІЦЦЯ ДЫЯЛОГУ З ЭЛЕМЕНТАМІ ЎМЯШАННЯ Ў АСАБІСТУЮ ПРАСТОРУ СУРАЗМОЎЦЫ

Г. В. ЖУПІНСКАЯ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

На матэрыяле руска- і англамоўных медыйных інтэрв'ю разглядаецца ход развіцця дыялогу, які змяшчае элементы ўмяшання ў асабістую прастору суразмоўцы (парушэнне граніц асабістай прасторы) з боку інтэрв'юера, за якім ідзе адказ інтэрв'юіруемага, што ўяўляе сабой абаронную рэакцыю. На падставе абранай інтэрв'юіруемым рэакцыі на ўмяшанне ў яго асабістую прастору і ступені настойлівасці інтэрв'юера вылучаюцца тыповыя мадэлі развіцця такога дыялогу. Устанаўліваецца, што дыялог, які змяшчае элементы ўмяшання ў асабістую прастору суразмоўцы, развіваецца па чатырох базавых мадэлях, тры з якіх могуць быць ускладнены за кошт уключэння ў іх структуру цыклаў пыгальна-адказнага тыпу. Акрамя таго, вылучаецца змешаная мадэль дыялогу, якая спалучае ў сабе элементы базавых мадэлей. Параўнальны аналіз тыповых мадэлей развіцця дыялогу дазволіў устанавіць ідэнтычнасць іх рэалізацыі ў руска- і англамоўных медыйных інтэрв'ю. Распрацоўваецца агульная схема развіцця дыялогу з элементамі ўмяшання ў асабістую прастору суразмоўцы.

Ключавыя словы: медыйнае інтэрв'ю; асабістая камунікатыўная прастора; стратэгія ўмяшання; абарончая стратэгія; мадэль развіцця дыялогу; базавая мадэль; ускладнены варыянт мадэлі; змешаная мадэль.

Образец цитирования:

Жупинская АВ. Модели развития диалога с элементами вторжения в личное коммуникативное пространство собеседника. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;1:69–79.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-69-79>

For citation:

Zhupinskaya AV. Development models of the dialogue with privacy invasion elements. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;1:69–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-69-79>

Автор:

Анна Викторовна Жупинская – аспирантка кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Anna V. Zhupinskaya, postgraduate student at the department of general linguistics.
annazup@mail.ru

DEVELOPMENT MODELS OF THE DIALOGUE WITH PRIVACY INVASION ELEMENTS

A. V. ZHUPINSKAYA^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The article considers the development of the dialogue that contains privacy invasion (violation of personal borders) conducted by the journalist and appropriate response realised by the interviewee. The research is made on the basis of Russian and English media interviews. The aim of the study is to identify typical development models of the dialogue with privacy violation elements. The models can be identified according to interviewee's reaction to privacy invasion and interviewer's degree of persistence. The article states that the dialogue with privacy invasion elements develops according to four basic models, three of which can be further complicated by inclusion of question-answer cycles in their structure. Besides the mixed dialogue model is identified. The mixed model combines elements of basic models. Comparative analysis proved that dialogue models are identical in Russian and English media interviews. Also a general algorithm of the dialogue with privacy invasion elements was created.

Keywords: media interview; privacy; invasion strategy; defense strategy; dialogue model; basic model; complicated variant of model; mixed model.

Введение

Жанр современного медийного интервью представляет большой интерес в лингвопрагматическом отношении. С одной стороны, интервью характеризуются достаточно жесткой регламентированностью коммуникативных ролей, четкой вопросно-ответной структурой и композицией, а с другой стороны, отличаются усложненной диалогической структурой и тактико-стратегической организацией.

На современном этапе жанр медийного интервью претерпевает ряд существенных изменений, которые отражаются на ходе развития диалога. Среди прочего, они связаны с взаимопроникновением и смешением дискурсов. Отмечается, что медийный дискурс, одним из центральных жанров которого является интервью, более всего подвержен влиянию бытовой и политической коммуникации [1, с. 130–131].

При проникновении в медиасферу агональность и конфликтность, свойственные политическому дискурсу, модифицируют традиционную роль журналиста в портретном интервью. В современных интервью отсутствует жесткое распределение ролей, при котором действия интервьюера сводятся к тому, чтобы задавать вопросы и вставлять незначительные комментарии, раскрывающие образ интервьюируемого с положительной стороны [2]. Сегодня журналисты активно высказывают мнение по проблеме, часто отличное от точки зрения интервьюируемого, допускают критику, обвинения в адрес собеседника, а также задают провокационные вопросы в целях его дискредитации [3].

Влияние бытового дискурса на медиасферу проявляется в ослаблении норм, в том числе в расширении тематического диапазона интервью [4]. Так, в современных интервью наблюдается смешение регистров, использование сниженной лексики, разговорных конструкций, сленга и др. [4] Тематический диапазон расширяется в первую очередь за счет вопросов, которые касаются личной жизни интервьюируемого, часто носят провокационный характер и традиционно считаются неприемлемыми в рамках публичной коммуникации.

Сформировавшаяся в результате подобного влияния тенденция к некорректному и провокационному поведению интервьюера по отношению к интервьюируемому отразилась в англоязычной журналистике. Впоследствии она была адаптирована в русскоязычных интервью [5; 6] и значительно развита с появлением электронных видов средств массовой информации [4; 7]. Это позволило выделить в русскоязычном медийном пространстве провокационное интервью как особую разновидность жанра [8; 9].

На тактико-стратегическом уровне диалогического взаимодействия для данных интервью характерна востребованность иницирующей стратегии вторжения в личное пространство собеседника (нарушение границ личного пространства) и стратегии реагирования на подобное вторжение. Термин «личное коммуникативное пространство», основанный на понятии «личная сфера», которое противопоставляется понятию «общественная сфера», связан с закрытостью определенного вида информации, относящейся непосредственно к личности индивида или его близкого окружения, для публичного обсуждения [10, с. 200–201].

Обе стратегии представляют собой комплексные феномены с широким репертуаром составляющих их тактик и высокой вариативностью их реализации, так как и получение от собеседника личной информации, и ее сокрытие существенно осложняются хорошей подготовленностью коммуникантов к публичным формам общения, в том числе к неудобным и (или) провокационным вопросам.

Взаимодействие двух стратегий усложняет структуру как диалога в целом, так и отдельных диалогических единств в частности, что предполагает наличие развернутых моделей организации диалогического общения.

Цель данной работы состоит в выявлении типичных моделей развития диалога, содержащего элементы нарушения границ личного пространства интервьюируемого, на материале англо- и русскоязычных медийных интервью.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования из англо- и русскоязычных медийных интервью методом сплошной выборки были выделены по 200 контекстов, содержащих элементы вторжения в личное пространство интервьюируемого. Такое количество контекстов представляется достаточным, так как дальнейшее увеличение размеров выборки не приводит к качественным изменениям в получаемых результатах [11].

Отбор материала осуществлялся на основании тематического критерия. Как показал анализ теоретических источников, посвященных проблеме защиты личной информации и концепту «приватность» [10; 12; 13], идентификация факта вторжения в личное пространство собеседника строится на основании темы, затрагиваемой в вопросе. Согласно данному критерию вопрос трактуется как нарушающий границы личного пространства, если касается как минимум одной из следующих тем: негативных переживаний, вредных привычек и зависимостей, личных, в том числе семейных, отношений, вероисповедания, сексуальной жизни, а также особенностей физиологии, уровня доходов и образования.

Источником русскоязычного материала послужили размещенные в интернете видеointervью с персональными (авторских) *YouTube*-каналов, а также записи телевизионных программ, содержащих интервью с различными медиаперсонами. В русскоязычной медиасфере электронные СМИ сформировали особый подход к ведению интервью, который значительно отличается от классического телевизионного формата с точки зрения временных ограничений, композиции, широты аудитории, способа взаимодействия с ней, жесткости цензуры и др. [4; 7]. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать как традиционные телевизионные интервью, так и интервью, представленные в электронных медиа.

В свою очередь, источником англоязычного материала стали записи интервью из радио- и телепрограмм, доступных в интернете, а также транскрипции этих программ, представленные на сайтах вещательных компаний. Англоязычные медийные интервью практически не подвержены влиянию интернет-СМИ и по-прежнему тяготеют к теле- и радиоформатам. Большинство представленных в интернете интервью являются записями теле- или радиоэфиров без каких-либо существенных изменений.

Отобранные фрагменты интервью исследовались с применением сопоставительного метода и метода контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

Нарушение журналистом границ личного пространства интервьюируемого может вызвать широкий спектр реакций, изменяющих ход диалога, со стороны последнего. Так, стратегия реагирования на нарушение границ личного пространства включает восемь тактик, различающихся как по объему и качеству предоставляемой личной информации, так и по степени жесткости реакции [14]. К основным относятся следующие реакции на вторжение в личное пространство:

- игнорирующий вторжение в личное пространство ответ, в котором содержится запрашиваемая информация;
- имитирующие содержательный ответ и традиционно реализуемые в мягкой форме защитные тактики смены темы, неопределенного ответа и шутки, которые предоставляют неполную либо нерелевантную информацию;
- тактики метаязыкового комментария вопроса, переадресации, эксплицитного отказа от ответа и критики сути вопроса или личности спрашивающего, которые допускают достаточно жесткие формы защиты [14].

Обобщив и систематизировав варианты развития диалога с применением данных тактик, можно выделить четыре базовые модели организации диалога с элементами нарушения границ личного пространства интервьюируемого.

Первая модель в наиболее общем виде предполагает наличие трех компонентов: вопроса журналиста, нарушающего границы личного пространства, ответа интервьюируемого, представляющего собой защитную реакцию, и последующего обращения интервьюера к новой теме, т. е. отказа от дальнейшего вторжения (рис. 1).

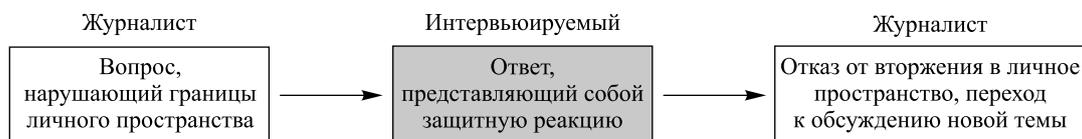

Рис. 1. Первая базовая модель развития диалога

Fig. 1. The first basic model of dialogue development

Данная модель представляется наиболее естественным вариантом развития диалога. Для интервьюируемого вполне закономерным является желание скрыть личную информацию, используя ту или иную тактику защиты. Вместе с тем для журналиста ответная защитная реакция собеседника также является ожидаемой, что мотивирует его отказаться от вторжения, сменив тему на менее личную (1–2).

(1) – *Коль мы заговорили на эту тему (мне мужчины в зале не простят), первый вопрос, который все хотят задать гимнасткам: помогает ли хорошая растяжка в сексуальной жизни?*

– *Я думаю, что этот вопрос корректнее будет задать моему мужу. Я думаю, он вам много расскажет. Я не могу саму себя оценивать, как ты понимаешь. Конечно, мы все хотим думать, что мы королевы. Но лучше давай, когда Павел Алексеевич сюда придет, ты ему задашь этот вопрос.*

– *Та популярность, которая тебя всегда окружала, она как бы обычно не дается не олимпийским чемпионам... Как ты этого добивалась?*¹

(2) – *Was it [roman of her husband] embarrassing?*

– *Oh, Larry, let's not talk about this, come on. I really... well, I understand but I'd rather not.*

– *I'm not going to dwell on it*².

– *Роман мужа на стороне стал оскорблением?*

– *Ой, Ларри, давай не будем об этом. Я и правда... я все понимаю, но лучше не стоит.*

– *Я не стану настаивать*³.

Вторая модель развития диалога включает употребление в качестве реакции на нарушение границ личного пространства тактики содержательного ответа [14], который полностью удовлетворяет информационный запрос журналиста и обеспечивает возможность дальнейшего перехода к новой теме (3–4).

(3) – *Вы с Димой официально встречаетесь.*

– *Мы – да, встречаемся. У нас много номеров вместе было в «Comedy woman». Однажды Гудок нам написал номер, где мы должны были целоваться. Вот, я думаю, как-то там, после этого что-то... Тогда мы были еще друзья.*

– *Ладно, давай поговорим о твоей музыкальной карьере*³.

(4) – *She had cancer, right?*

– *Um-hmm. Yes, ovarian cancer.*

– *I don't think... you never get over the loss of a mother. We have an e-mail question from Lex in New York: «When you film something so wrenchingly emotional as “A mighty heart” how do you go about a daily life with your family, with the normal emotions of a home?»*⁴.

– *У нее же был рак?*

– *Мг. Да, рак яичников.*

– *Я думаю, что человек никогда до конца не смирится со смертью мамы. У нас есть вопрос, полученный по электронной почте от Лекса из Нью-Йорка: «Когда Вы снимаетесь в чем-то настолько эмоционально тяжелом, как “Ее сердце”, как Вы справляетесь с эмоциями в повседневной жизни, в семье, где нормальный эмоциональный фон?»*⁵.

Для публичных персон игнорирование вторжения в личное пространство во многом связано с реализацией ими стратегий откровенности [15] и (или) эпатажа [16], которые позволяют избегать имиджевых потерь и поддерживать требуемый образ в глазах массовой аудитории. Отсутствие какой-либо защиты со стороны интервьюируемого, а в некоторых случаях и проявляемая им заинтересованность в обсуж-

¹ Утяшева Л. О «Танцах», Воле, деньгах и суперженах / Беседовала И. Шихман (признана иностранным агентом в России) // А поговорить?.. 16 нояб. 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IcClO3Zvorg&t=1414s> (дата обращения: 22.10.2022).

² Aniston J., Owen C. CNN Larry King live: interview with Jennifer Aniston, Clive Owen / Interviewed by L. King // Larry King live. 2005 Nov. 19 [Electronic resource]. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/lkl/date/2005-11-19/segment/01> (date of access: 20.10.2022).

³ Сысоева Н. Впервые о своем новом парне. Эксклюзив, получается / Беседовал П. Плосков // Петя любит выпить. 4 сент. 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CVKfCFOnks> (дата обращения: 16.10.2022).

⁴ Jolie A. CNN Larry King live: interview with Angelina Jolie / Interviewed by L. King // Larry King live. 2007 June 14 [Electronic resource]. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/lkl/date/2007-06-14/segment/01> (date of access: 20.10.2022).

дении личной темы могут мотивировать журналиста, несмотря на удовлетворение первоначального информационного запроса, далее развивать заявленную тему при помощи дополнительных вопросов. Обобщенная схема второй базовой модели развития диалога представлена на рис. 2.

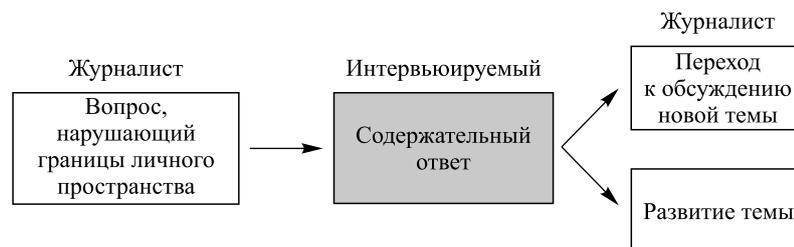

Рис. 2. Вторая базовая модель развития диалога
Fig. 2. The second basic model of dialogue development

Когда журналист предпочитает развивать тему, может наблюдаться усложнение данной базовой модели (5–6).

- (5) – *Что это за чувство, когда тебя тошнит от, не знаю, собственного изображения, голоса или...*
 – *Если бы вы в тот период спросили, я бы ответил четче. <...> В какой-то момент на меня навалилось. Это случилось в период (я этого никогда никому не говорил) ... в период, когда я планировал семью. Вот это была последняя капля. У меня должны были родиться двое детей. Абсолютная правда.*
 – *От девушки или это была суррогатная мать?*
 – *От девушки, которую я знаю, с которой встречался, которую любил. <...> Вторая попытка была, тоже не получилось. Можете верить, можете нет.*
 – *Выкидыш случился?*
 – *Да. Я прямо просто сошел с ума, то есть это для меня, как сказать, так такая вот вещь, как нечто невообразимое, как какая-то сказка⁵.*

- (6) – *What have you been dating?*
 – *Car mechanics and pool boys. I keep it simple. I keep it basic.*
 – *A lot of...*
 – *You know, Jimmy Kimmel said that to me.*
 – *By the way, how is he doing?*
 – *He had an appendectomy today⁶.*
 – *‘С парнями каких профессий ты встречалась?*
 – *Автомеханики и чистильщики бассейнов. У меня все просто, все стандартно.*
 – *Много...*
 – *Да, Джимми Киммел тоже так сказал.*
 – *Кстати, как он поживает?*
 – *Ему сегодня удаляют аппендицит’.*

Данная усложненная модель предполагает серию нарушений журналистом границ личного пространства интервьюируемого и содержательных ответов последнего, при этом каждая реакция ориентирована на отдельный, отличный от предыдущего информационный запрос (рис. 3).

Рис. 3. Усложненный вариант второй базовой модели развития диалога
Fig. 3. The complicated variant of the second basic model of dialogue development

⁵Билан Д. Пьяный концерт в Самаре, попытки зачать ребенка, ориентация, допинги / Беседовала И. Шихман (признана иностранным агентом в России) // А поговорить?.. 13 дек. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sn0aCNN1SMY&t=519s> (дата обращения: 22.10.2022).

⁶Griffin K. CNN Larry King live: interview with Kathy Griffin / Interviewed by L. King // Larry King live. 2007 June 21 [Electronic resource]. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/lkl/date/2007-06-21/segment/01> (date of access: 24.10.2022).

Основными компонентами **третьей модели** развития диалога являются нарушение журналистом границ личного пространства, ответ интервьюируемого, представляющий собой защитную реакцию, и попытка интервьюера настоять на ответе. Использование интервьюируемым той или иной тактики защиты личного пространства оставляет инициальный запрос на личную информацию неудовлетворенным, что нарушает план интервьюера по развитию беседы и вынуждает его настаивать на ответе (рис. 4).

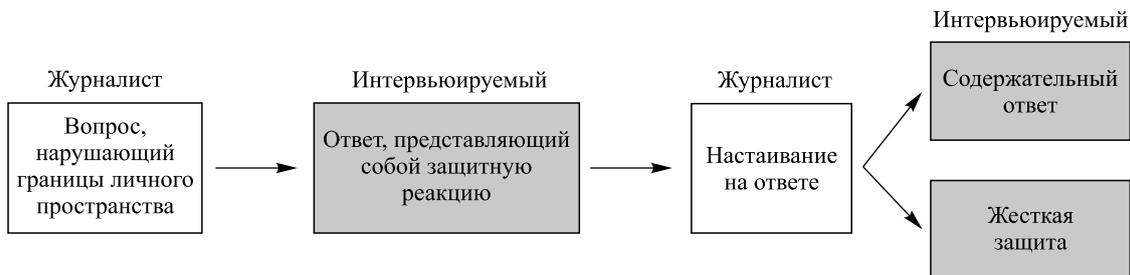

Рис. 4. Третья базовая модель развития диалога
Fig. 4. The third basic model of dialogue development

Подобные действия интервьюера могут либо спровоцировать интервьюируемого на применение более явной и жесткой тактики защиты личного пространства (7), либо вынудить его дать содержательный ответ, удовлетворяющий информационный запрос журналиста (8).

(7) – Константин Натанович, а Вы неверующий, правильно я поняла?

– Ну, меня в детстве крестили.

– Нет, я не про это Вас спросила. Вы атеист по убеждению?

– Я не хочу эту тему обсуждать⁷.

(8) – OK. Another date was with...

– You're bored already.

– Hold on.

– All right.

– Was with a porn star, Ron, right? The porn...

– Ron Jeremy⁸.

– Хорошо. Еще одно свидание было с...

– Тебе уже скучно.

– Подожди.

– Ладно.

– Это же был звезда порнофильмов Рон? Порно...

– Рон Джереми⁷.

В зависимости от готовности интервьюируемого защищаться и степени настойчивости интервьюера диалог может включать несколько циклов *вторжение в личное пространство – защитная реакция*, усложняющих третью базовую модель развития диалога и способных охватывать весьма протяженные участки интервью (рис. 5).

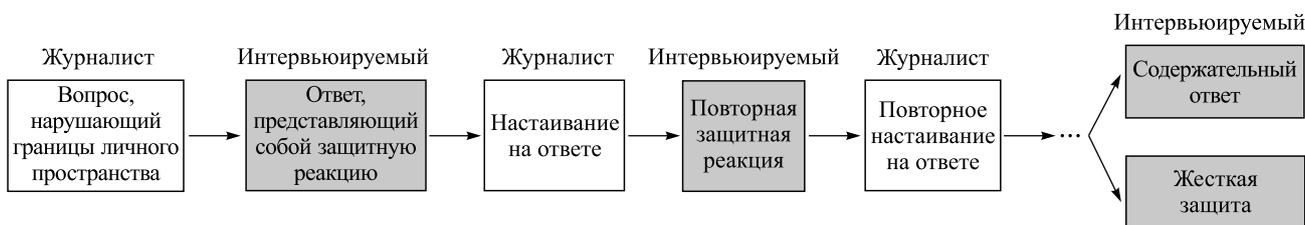

Рис. 5. Усложненный вариант третьей базовой модели развития диалога

Fig. 5. The complicated variant of the third basic model of dialogue development model

⁷Боровой К. Школа злословия: Константин Боровой / Беседовали Т. Толстая и А. Смирнова // Школа злословия. 24 апр. 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_zkCAYgGJrU (дата обращения: 22.10.2022).

⁸Griffin K. CNN Larry King live: interview with Kathy Griffin...

Четвертая модель основана на перераспределении коммуникативной инициативы. Иногда в качестве защитной реакции интервьюируемый может использовать встречный вопрос (прямой или косвенный), который служит для перехвата коммуникативной инициативы, т. е. позволяет интервьюируемому контролировать ход беседы и самому запрашивать информацию [17]. В этом случае реплика интервьюируемого является реакционной по отношению к вопросу интервьюера, нарушающему границы личного пространства, и иницирующей с точки зрения следующей реплики журналиста (рис. 6).

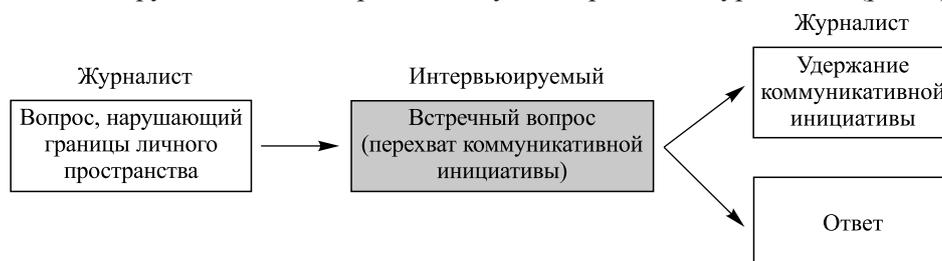

Рис. 6. Четвертая базовая модель развития диалога
Fig. 6. The fourth basic model of dialogue development

Модель с инвертированным порядком коммуникативных ролей содержит вопрос интервьюера, нарушающий границы личного пространства собеседника, встречный вопрос интервьюируемого и ответ журналиста, который заключается либо в удержании инициативы, либо в содержательном ответе на встречный вопрос интервьюируемого (9–10).

- (9) – *Когда предстанете перед Богом, что Вы ему скажете?*
– *Вот этого у Марселя Пруста нет в анкете. Это Вы придумали этот вопрос? Скажите мне честно.*
– *Не имеет никакого значения. Когда пригласите в свою программу, зададите вопрос. Итак?*⁹
- (10) – *OK, you've had interesting dates so far...*
– *You just cut me up. You're bored already.*
– *Well, I... you're not boring me!*
– *I'm sorry I'm not The Suspender Contest winner, which apparently is very exciting to you, Larry.*
– *A lot of the show that you do on Bravo is about dating*¹⁰.
– *‘Ладно, у тебя до сих пор были интересные свидания...’*
– *Ты только что меня оборвал. Тебе уже скучно.*
– *Ну, мне не скучно!*
– *Прости, что я не победитель конкурса подвязок, которые тебе нравятся гораздо больше, Ларри.*
– *Многие из тех шоу, что ты делала для «Браво», о свиданиях’.*

Последующее возвращение коммуникативной инициативы интервьюеру открывает две альтернативные возможности (возврат к личной теме или обращение к новой теме).

Следует отметить, что инвертированный порядок коммуникативных ролей может как реализовываться фрагментарно, в пределах одного сложного диалогического единства, так и охватывать довольно протяженные участки диалога, включая серию вопросов, адресованных интервьюеру (11).

- (11) – *The book... it comes through in your book that you went through a divorce. Well, see, you know, I'm divorced, also. But we had no money, so I didn't... we didn't engage in...*
– *How long were you married?*
– *Sixteen years.*
– *How long did you know him before you got married?*
– *Sixteen minutes.*
– *Right. So you can go... you married somebody you didn't know?*
<...>
– *But you say something about 50/50 custody. I'm not sure if I agree with that particularly*¹¹.
– *‘Книга... из Вашей книги видно, что Вы пережили развод. Видите ли, я тоже в разводе. Но там не были замешаны деньги...’*

⁹Градский А. Познер. В гостях Александр Градский / Беседовал В. Познер // Познер. 28 нояб. 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ros-RsHVS7M> (дата обращения: 22.10.2022).

¹⁰Griffin K. CNN Larry King live: interview with Kathy Griffin...

¹¹Baldwin A. Parental alienation syndrome / Interviewed by L. King // Larry King live. 2009 Jan. 7 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u38LzIYp78k&t=79s> (date of access: 21.10.2022).

- Как долго вы были женаты?
- Шестнадцать лет.
- Сколько вы были знакомы до брака?
- Шестнадцать минут.
- Ясно. То есть Вы могли... Вы вышли замуж за незнакомца?
- <...>
- Но Вы говорили об опеке 50/50. Я не уверена, что точно могу с этим согласиться’.

В последнем случае можно говорить об усложненной разновидности четвертой модели развития диалога (рис. 7).

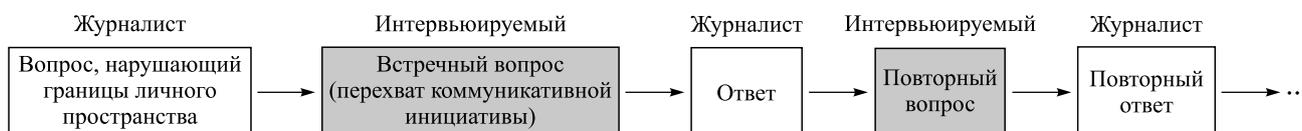

Рис. 7. Усложненный вариант четвертой базовой модели развития диалога
Fig. 7. The complicated variant of the fourth basic model of dialogue development model

При высокой степени настойчивости интервьюера весьма вероятным является сочетание нескольких базовых моделей развития диалога. Такое сочетание представляет собой **смешанную модель** развития диалога.

В примере (12) представлена комбинация второй и четвертой базовых моделей развития диалога.

- (12) – *Откуда появился слух о том, что ты гей?*
 – *А вы как думаете?*
 – *Я знаю только один слух: про тебя и Айзенштиса, например. Вот это я слышала.*
 – *Вот отсюда, наверное, пошел слух*¹².

Здесь перераспределение коммуникативных ролей сочетается с однократным вторжением в личное пространство, за которым следует удовлетворение информационного запроса журналиста в виде содержательного ответа (рис. 8).

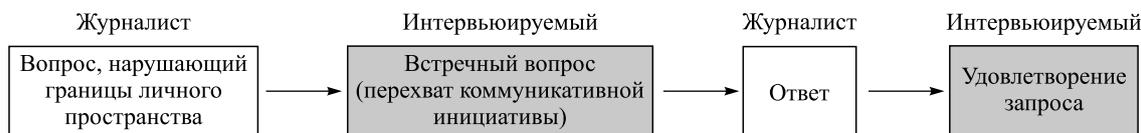

Рис. 8. Смешанная модель развития диалога с элементами второй и четвертой базовых моделей развития диалога
Fig. 8. The mixt model dialogue development with the elements of the second and the fourth basic models of dialogue development

В примере (13) наблюдается комбинация второй и третьей базовых моделей диалога:

- (13) – *How did you deal with all that stress? Did you go to therapy, meditate? What did you do?*
 – *I did a lot of... I think the best answer or the most honest answer was I had dear friends, and you know they're your friends because they can listen to you say the same thing over and over again. You say the same thing every day for a year.*
 – *What was the thing you kept saying?*
 – *That's personal. That's private.*
 – *Oh really? Suddenly.*
 – *Right*¹³.
 – *‘Как Вы справлялись со всем этим стрессом? Посещали психолога, медитировали? Что Вы делали?*
 – *Много всего. Я думаю, лучший или самый честный ответ состоит в том, что со мной были лучшие друзья. И Вы знаете, они друзья, так как они могут выслушивать от тебя одно и то же снова и снова. Ты повторяешь одно и то же каждый день весь год.*

¹²Билан Д. Пьяный концерт в Самаре, попытки зачать ребенка...

¹³Baldwin A. Parental alienation syndrome...

- Что Вы повторяли?
- Это личное. Это интимное.
- Правда? Неожиданно.
- Верно’.

Здесь за однократным вторжением в личное пространство, на которое интервьюируемый реагирует содержательным ответом, следует развитие личной темы. На это интервьюируемый реагирует защитной тактикой критики вопроса, явно демонстрирующей нежелание отвечать, вынуждая журналиста настаивать на ответе (рис. 9).

Сочетаемость и взаимосвязанность рассмотренных моделей диалога позволяют составить общий алгоритм развития диалога, содержащего элементы нарушения границ личного пространства интервьюируемого (рис. 10).

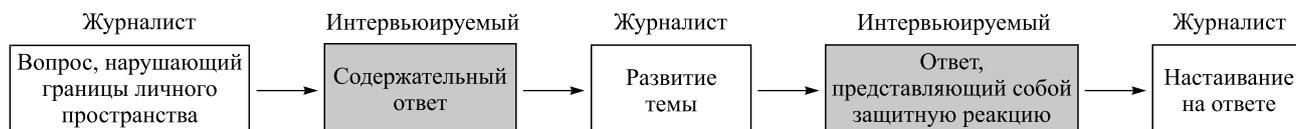

Рис. 9. Смешанная модель развития диалога с элементами второй и третьей базовых моделей развития диалога

Fig. 9. The mixt model of dialogue development with the elements of the second and the third basic models of dialogue development

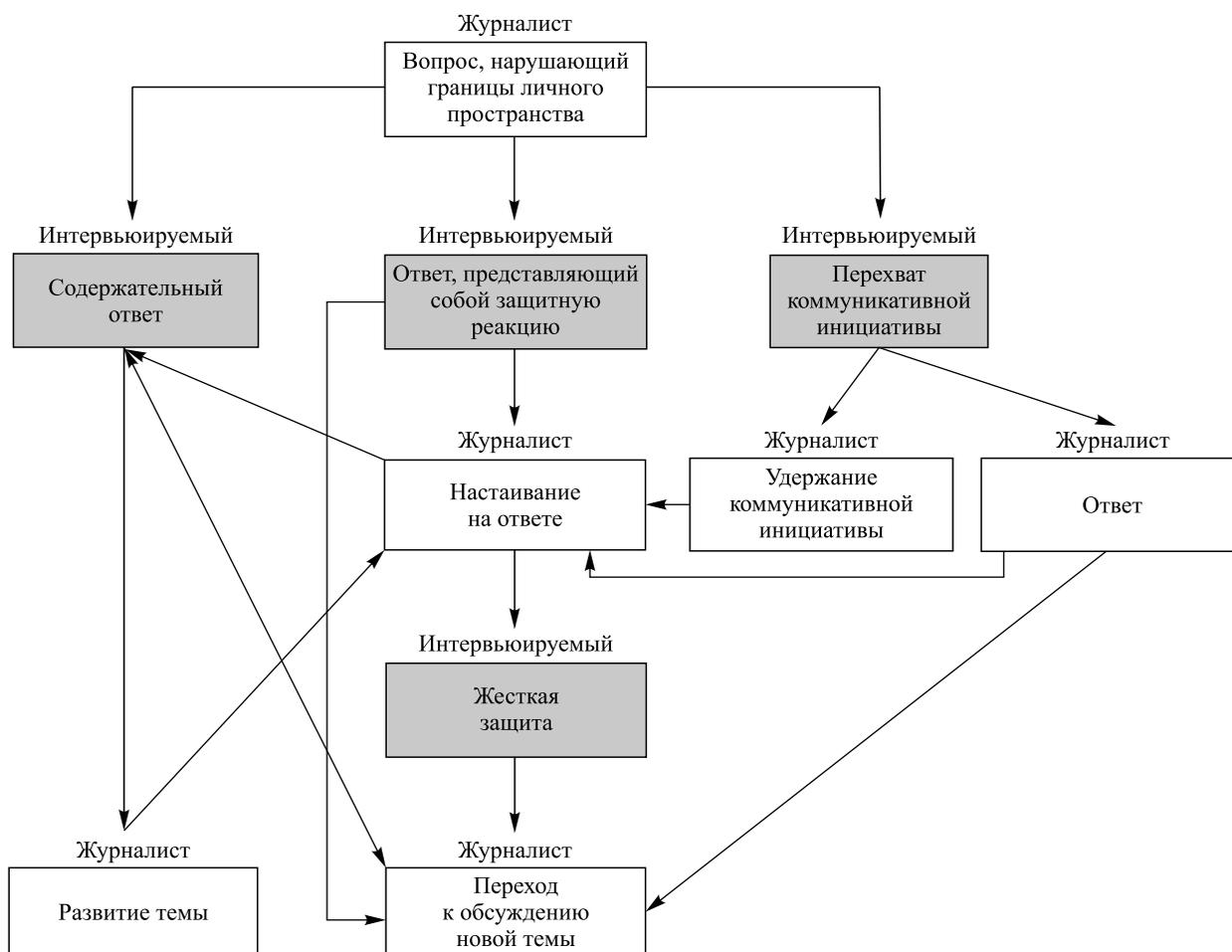

Рис. 10. Общий алгоритм развития диалога с элементами вторжения в личное пространство

Fig. 10. The general development algorithm of the dialogue with privacy invasion elements

В алгоритме могут быть выделены облигаторные компоненты, представленные в структуре всех моделей, и факультативные, дополнительные компоненты, включение которых в диалог зависит от таких ситуативных факторов, как степень настойчивости журналиста и тип реакции, избранной интервьюируемым. Облигаторными компонентами являются вопрос, нарушающий границы личного пространства собеседника, ответ интервьюируемого (содержательный ответ, ответ, представляющий собой защитную реакцию, или перехват коммуникативной инициативы), а также завершающее интеракцию обращение журналиста к новой теме. К дополнительным компонентам относятся развитие заданной темы, настаивание на ответе, удержание коммуникативной инициативы в речевой партии интервьюера, жесткий ответ интервьюируемого, представляющий собой защитную реакцию.

Заключение

В современном медийном интервью наблюдается тенденция к ослаблению норм. Она проявляется в некорректном поведении журналистов и существенном расширении диапазона тем, доступных для публичного обсуждения, в первую очередь за счет вопросов, касающихся личной жизни собеседника.

Получение личной информации представляет для журналиста сложную коммуникативную задачу в силу необходимости принимать во внимание интересы и мнение аудитории, а также из-за хорошей подготовленности медийных личностей к неудобным вопросам. В свою очередь, для интервьюируемого защита личного пространства является небанальной задачей, так как он вынужден сочетать свое желание скрыть личную информацию с необходимостью, с одной стороны, поддерживать интерес публики к себе, а с другой стороны, избегать возможных имиджевых потерь.

Комплексный характер решаемых журналистом и интервьюируемым задач, а также разнообразие доступных им тактических решений усложняют структуру диалога и стимулируют вариативность моделей его развития. Так, с учетом избранной интервьюируемым реакции на вторжение в личное пространство и степени настойчивости интервьюера выделяются четыре базовые модели развития диалога, содержащего элементы нарушения границ личного пространства. Три базовые модели (за исключением первой) могут быть усложнены одним или несколькими циклами вопросно-ответного типа. Иногда в ходе развития диалога комбинируются элементы нескольких базовых моделей, что позволяет говорить о наличии смешанной модели развития диалога.

Несмотря на определенные экстралингвистические различия между англо- и русскоязычной журналистикой, связанные с временной спецификой появления и развития провокационных элементов и способом адаптации таких элементов к новым видам медиа, анализ выделенных моделей позволил установить их идентичность в англо- и русскоязычном медийном интервью.

Библиографические ссылки

1. Филлиппс Л, Йоргенсен МВ. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Киселёва АА, переводчик. Харьков: Гуманитарный центр; 2008. 352 с.
2. Сахнова ЕБ. Жанр интервью и его модификации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2013;4:98–103.
3. Plüss B. Non-cooperation in dialogue. In: Demir S, Raab J, Reiter N, Lopatkova M, Strzalkowski T, editors. *48th Annual meeting of the Association for Computational Linguistics. Proceedings of the student research workshop; 2010 July 13; Uppsala, Sweden*. Uppsala: Association for Computational Linguistics; 2010. p. 1–6.
4. Яблоновская НВ, Езык АВ, Мустафаева НД. Жанр интервью на платформе русскоязычного сегмента YouTube: трансформации и медиатехнологии. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2020;4:225–238.
5. Бочков ВА. Интеграция западных телевизионных идей в российское телевидение. В: Тулупова ВВ, редактор. *Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации»; 10–12 мая 2007 г.; Воронеж, Россия*. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2007. с. 191–193.
6. Ильченко СН. *Интервью в журналистике: как это делается*. Санкт-Петербург: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; 2016. 236 с.
7. Антонова ЛГ, Башловкина ЮА. Коммуникативный инструментальный современный формы интервью на платформе YouTube. *Социальные и гуманитарные знания*. 2018;4(3):35–43.
8. Иссерс ОС. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге. *Русский язык в научном освещении*. 2009;2: 92–104.
9. Степанов ВН. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики. *Московский лингвистический журнал*. 2003;6–2:157–180.
10. Карасик ВИ, Прохвачева ОГ, Зубкова ЯВ, Грабарова ЭВ. *Иная ментальность*. Москва: Гнозис; 2005. 352 с.
11. Богоявленская ЮВ. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных. *Политическая лингвистика*. 2016;4:163–166.
12. Solove DJ. *Understanding privacy*. Cambridge: Harvard University Press; 2008. 276 p.

13. McLean D. *Privacy and its invasion*. London: Praeger; 1995. 152 p.
14. Жупинская АВ. Стратегия реагирования на нарушение границ личного коммуникативного пространства в русскоязычных и англоязычных медийных интервью. В: Старовойтова ИА, редактор. *Сборник научных работ студентов Республики Беларусь «НИРС 2020»*. Минск: БГУ; 2021. с. 475–479.
15. Наумова ММ. Специфика реализации откровенности в массмедийном дискурсе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2015;15–1:107–110.
16. Дубских АИ. Тактика эпатаживания как инструмент провокационной саморекламы в «звездных» интервью. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2012;25:109–112.
17. Жупинская АВ. Перераспределение коммуникативных ролей как защита личного пространства в медийном интервью. В: Достанко ЕА, редактор. *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Белорусского государственного университета; 29 октября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 96–101.

References

1. Jorgensen MV, Phillips LJ. *Discourse analysis as theory and method*. London: Sage Publication; 2002. 230 p.
Russian edition: Fillips L, Jorgensen MV. *Diskurs-analiz: teoriya i metod*. Kiseleva AA, translator. Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr; 2004. 336 p.
2. Sakhnova EB. Genre of interview and its modifications. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistsika*. 2013;4:98–103. Russian.
3. Plüss B. Non-cooperation in dialogue. In: Demir S, Raab J, Reiter N, Lopatkova M, Strzalkowski T, editors. *48th Annual meeting of the Association for Computational Linguistics. Proceedings of the student research workshop; 2010 July 13; Uppsala, Sweden*. Uppsala: Association for Computational Linguistics; 2010. p. 1–6.
4. Yablonovskaya NV, Mustafaeva ND, Ezyk AV. The genre of interview on the platform of the Russian-language segment of YouTube: transformation and mediatechnology. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Science*. 2020;4:225–238. Russian.
5. Bochkov VA. [Integration of Western ideas in Russian television]. In: Tulupova VV, editor. *Kommunikatsiya v sovremennom mire. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Problemy massovoi kommunikatsii»; 10–12 maya 2007 g.; Voronezh, Rossiya* [Communication in modern world. Proceedings of the National scientific conference «Problems of mass communication»; 2007 May 10–12; Voronezh, Russia]. Voronezh: Voronezh State University; 2007. p. 191–193. Russian.
6. Il'chenko SN. *Interv'yu v zhurnalistike: kak eto delaetsya* [Interview in journalism: how it is done]. Saint Petersburg: School of Journalism & Mass Communications; 2016. 236 p. Russian.
7. Antonova LG, Bashlovkina YA. Communicative toolkit of the modern form of the interview on YouTube platform. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 2018;4(3):35–43. Russian.
8. Issers OS. [Provocative strategy in public dialog]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2009;2: 92–104. Russian.
9. Stepanov VN. [Provocative question from the point of view of linguistic pragmatics]. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 2003;6–2:157–180. Russian.
10. Karasik VI, Prokhvacheva OG, Zubkova YaV, Grabarova EV. *Inaya mental'nost'* [Foreign mentality]. Moscow: Gnozis; 2005. 352 p. Russian.
11. Bogoyavlenskaya YuV. Representativeness of text corpus: method of verification of data reliability. *Political Linguistics*. 2016; 4:163–166. Russian.
12. Solove DJ. *Understanding privacy*. Cambridge: Harvard University Press; 2008. 276 p.
13. McLean D. *Privacy and its invasion*. London: Praeger; 1995. 152 p.
14. Zhupinskaya AV. [A strategy for responding to violation of the boundaries of personal communication space in Russian-language and English-language media interviews]. In: Starовойтова ИА, editor. *Sbornik nauchnykh rabot studentov Respubliki Belarus' «NIRS 2020»* [Collection of scientific works of students of the Republic of Belarus «NIRS 2020»]. Минск: Belarusian State University; 2021. p. 475–479. Russian.
15. Naumova MM. Specific features of realisation of frankness in the mass-mediated discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistsika*. 2015;15–1:107–110. Russian.
16. Dubsky AI. Epatage tactics as the means of provocative self-promotion in «star» interviews. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2012;25:109–112. Russian.
17. Zhupinskaya AV. Redistribution of communicative roles as privacy defense in media interviews. In: Dostanko EA, editor. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 29 oktyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages. Proceedings of the 15th International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State University; 2021 October 29; Minsk, Belarus]. Минск: Belarusian State University; 2021. p. 96–101. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.12.2022.
Received by editorial board 11.12.2022.